

О Т З Ы В

официального оппонента Ю.Б. Орлицкого

на диссертацию Галины Николаевны Боевой

«Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна:

поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи» (Воронеж, 2017),

представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертационное исследование, представленное к защите Галиной Николаевной Боевой, вне всякого сомнения обладает всеми качествами, необходимыми для работ этого рода. Основные требования, традиционно предъявляемые к диссертациям – актуальность и новизна – в рецензируемом сочинении выполнены безусловно. Главный герой повествования – русский писатель Леонид Андреев – давно уже (а может быть – никогда ранее) не становился объектом такого подробного основательного исследования, тем более в контексте не только литературного процесса, но и культуры модерна в целом.

Интерес к модерну как целостной эпохе, в том числе – литературной (а не только к одноименному архитектурному стилю) в последние годы стал особенно интенсивным. Этой проблеме посвящено как минимум два серьезных монографических исследования, появившихся совсем недавно – книги Уго Перси и Натальи Грякаловой, к которым активно и грамотно обращается диссертант.

Вообще, привлеченный к анализу заглавной проблемы работы материал – тема особой и вполне заслуженной гордости Галины Николаевны: действительно, ей пришлось перекопать огромный и очень разнородный материал, чтобы ответить не на один, а одновременно на два важных историко-теоретических вопроса: что такое модерн в русской литературе рубежа веков и какое место занимает в его контексте Леонид Андреев и его литературное творчество.

Надо сказать, что это – далеко не праздные вопросы: сущность и границы модерна до сих пор дискуссионны и проблематичны, в научной литературе нередко встречаются как чрезвычайно узкие его трактовки, так и, наоборот, крайне расширительные, «без берегов». Наш диссертант занимает в этой заочной, но острой дискуссии «золотую середину», делая основной упор, как уже говорилось, на широкий и разнообразный материал – как

собственно литературный, так и театральный, изобразительный и даже архитектурный.

Собственно, в постановке двух этих вопросов и данных на них предварительных, но весомых, хорошо фундированных ответов и заключаются в основном новизна и актуальность рецензируемой работы.

Уже названное обилие и разнообразие привлеченного к анализу материала заслуживает особого разговора: госпожа Боева с особой любовью описывает (иногда чрезмерно многословно) книги, картины, театральные постановки, другие явления культуры, а также их авторов и их взгляды и мнения – можно сказать, что перед нами не только диссертация, но и своего рода энциклопедия русского модерна. И на ее фоне, в ее контексте нам совсем по-новому предстает сам главный герой работы – Леонид Андреев.

Это – гласное достоинство диссертации, названный, на мой взгляд, не совсем правильно (по крайней мере, если соотнести название с содержанием): все-таки, перед нами не «феномен **и**», а именно «Феномен **в контексте**», тут есть явное противоречие и недооценка своей работы и ее объективного смысла.

При этом можно понять Галину Николаевну и тогда, когда она, увлекшись материалом, очень далеко уходит именно в контекст, подробнейшим образом описывая вещи, по правде говоря, лишние для ее работы: например, биографии и творчество писателей (особенно в главах третьего раздела, рассказывающего о взаимоотношениях ее героя и других «людей модерна», например, «русско-еврейских» писателей или С. Пшибышевского).

Кстати, стремление к необъятной широте приводит автора иногда и к обидным ошибкам. Так, на с. 66 известный итальянский композитор Джакомо Мейербер почему-то назван... «оперным певцом»! А на сс. 83-84 утверждается, что известный «Изенгеймский алтарь» Матиаса Грюневальда (который, как справедливо пишет диссертант, «прославился беспредельно эмоциональным по силе воздействия запечатлением страстей Христовых»), с которым Волошин сравнивает прозу Андреева, тот мог видеть (и, соответственно, впечатлиться!) в Мюнхенской пинакотеке; однако самая знаменитая работа немецкого художника, известная «вниманием художника к выразительным натуралистичным подробностям»; тем, что он «он смело запечатлевал запекшиеся раны Христа, разлагающуюся плоть, язвы» – находится совсем в другом месте – в музее французского города Кольмар; в Мюнхене же есть две другие работы мастера, в том числе его «Осмеяние Христа», однако Волошин, очевидно, имеет в виду все-таки всемирно известный алтарь, на котором как раз и запечатлены «беспредельно эмоциональные по силе воздействия» события, на «Омеянии» же ни ран, ни язв, которые так вдохновили в свое время немецких экспрессионистов, нет и в помине. Или Лена Силард, которую коллега Боева регулярно называет

венгерской ученой – выпускница МГУ и аспирантуры того же университета вполне «наша» Лена Афиятовна Айзатулина, действительно долгое время работавшая в Будапеште, однако последние годы она живет и преподает в Италии.

Вообще, желание мимоходом дать оценки всем явлениям, которых вскользь касается разговор, – еще одно уязвимое место работы: это относится, например, к характеристикам личности и творчества Хлебникова, Каменского, Мандельштама и ряда других «второстепенных» героев диссертации.

Но вернемся к ее достоинствам, благо их немало. Кроме актуальной постановки проблемы и фундаментальной проработки контекста, это, несомненно, блестящее знание биографии и творчества Андреева, чему в немалой степени способствовало участие Галины Николаевны в подготовке нового полного академического собрания сочинений писателя: в любом случае последние четыре позиции в списке опубликованных работ соискателя – объективно его самый серьезный вклад в андрееведение.

Именно из комментаторской работы на страницы исследования пришли многочисленные мнения и оценки личности, творчества и отдельных произведений писателя, опубликованные на страницах современных ему газет, журналов, книг, само отыскание которых потребовало от Галины Николаевны огромного труда, терпения и профессионализма, зато ввело в научный оборот сотни новых источников!

Соответственно, библиография, которой автор снабдил свое исследование, – настоящее сокровище, причем не только для андрееведов, но и для всех специалистов на эпохе модерна – тем более что в нашем случае она – не просто список литературы, а действительно отдельное научно-библиографическое исследование.

Еще одно свидетельство высокого профессионализма автора работы – активное привлечение к работе исследований известных зарубежных ученых, многие из которых незаслуженно мало известны в нашей стране. Это же касается и исследований по зарубежной литературе, изобразительному искусству, философии, истории, психологии и многим другим смежным дисциплинам, без которых серьезное рассмотрение писателя в контексте эпохи было бы просто немыслимо.

Отдельно хочется отметить постоянное внимание диссертанта к работам предшественников и современников – Л. Иезуитовой, М. Козьменко, В. Келдыша, Н. Грякаловой, Л. Кен, В. Полонского, на которых она регулярно ссылается и вполне добросовестно опирается.

Наконец, крайне убедительно выглядят и основные положения работы, причем как сформулированные в соответствующем месте сочинения, так и

присутствующие в нем имплицитно. Прежде всего – утверждение укорененности писателя в эстетике и этике модерна, его органическая связь с самыми разными проявлениями этой культурной эпохи. Затем – идея уникальности статуса Андреева как едва ли не первого в России «модного писателя» со всеми вытекающими отсюда последствиями, как положительными, так и отрицательными. А в связи с этим – об активной и вполне продуманной роли писателя в установлении и поддержании этого статуса, его огромной работе в этом направлении. В том числе и о его собственно житетворческой деятельности, включая изобретение, сооружение и эксплуатацию (в самых разных смыслах этого) слова чернореченской дачи. Наконец – установление роли критического и пародийного осмысления личности и произведений Андреева в формировании его репутации и статуса.

Особо хотелось бы отметить третью главы диссертации, имеющую самостоятельную ценность: здесь рассмотрены личные и творческие взаимодействия Леонида Андреева с наиболее значимыми для него современниками: Горьким, Буниным, Сологубом, писателями футуристического лагеря и представителями «русско-еврейской» литературы, а также с некоторыми иностранными писателями, влияние которых было, по мнению Галины Николаевны, наиболее значительным для нашего писателя. Необходимо заметить, что круг имен определен диссертантом очень точно и, что еще важнее, обследователен очень тщательно, сопровождается введением в оборот массы новых материалов и источников: даже в главке об Андрееве и Горьком госпоже Боевой удалось существенно скорректировать сложившееся в нашей науке мнение.

Наконец, критические замечания, без которых работа такого масштаба (в том числе и чисто физического) невозможна по определению.

Прежде всего – тезис о «взаимодействии вербального и визуального» в творчестве писателя. Звучит, конечно красиво, а главное – «модно», вполне в духе героя диссертации. Но что под этим понимается диссертантом? Оказывается, в первую очередь то, что Андреев использовал в своей прозе и драматургии «экспрессивную цветовую гамму», то есть часто цветовые эпитеты и другие цветообозначения. Далее, что в его рассказах часто упоминаются художники и их картины и помещаются их экфрастические (еще одно модное слово) описания. И наконец, то, что многие современники воспринимали и описывали свои впечатления от произведений писателя в понятиях изобразительного искусства. Достаточно ли этого, чтобы говорить о взаимодействии и тем более синтезе искусств? Я убежден, что ни в коем случае. Синтез подразумевает реальное, а не метафорическое соединение средств разных искусств в рамках одного произведения: как в опере, сценическом действе, кино и т.д. А если писатель в рассказе, то есть произведении словесного искусства, подробно описывает картину, перед нами все равно произведение литературы, а не нечто синтетическое.

Рассмотрим один конкретный пример. Госпожа Боева апеллирует к критике Волошина и цитирует следующий пассаж из его статьи: «В одном из первых рассказов Андреева была деталь, очень запомнившаяся всем читавшим его тогда: у господина, недавно умершего за картами, на подошве сапога прилипла бумажка от карамельки. В этой случайной подробности как бы сосредоточивался весь ужас смерти, и она потрясала своей рельефностью, как большой блик, удачно поставленный портретистом в зрачке глаза».

Прием этот типичен для манеры письма Леонида Андреева и вполне соответствует тому, что называется “*trompe l'oeil*”».

Далее в работе уже говорится о «труплейности» как черте андреевского письма и форме синтеза искусств. А ведь речь идет не больше чем об умелом работе писателя с деталью (здесь, кстати, уместнее было вспомнить не Бёклин, а в первую очередь Чехова, которому в работе уделено обидно мало места), причем работе именно словесной, а не живописной. Это – черта именно литературного мастерства, которая присуща, кстати сказать, многим художникам слова – тем же Гоголю, Тургеневу, Гончарову, Толстому – и об этом написано масса литературоведческих работ. А аналогия с изобразительным искусством здесь – не более чем аналогия, причем абсолютно субъективная, к науке о литературе абсолютно никакого отношения не имеющая. У другого критика будет другое сопоставление, оно тоже может показаться убедительным, а главное – ярким: ведь критика – не только форма идеологии, но и вид литературного творчества; особенно когда речь идет о поэте такого масштаба, как Волошин! Другое дело, когда мы говорим о влиянии одного искусства на другое, что и стоит отмечать и осмысливать, а не принимать за синтез. Сколько не говори халва, как говорится, во рту сладко не станет! И вряд ли имеет смысл говорить применительно к произведению литературе о «работе» писателя чистыми красками, линиями, звуками, ритмами» - в любом случае это всего-навсего метафоры. У критика вещь вполне допустимая, у ученого – сомнительная: можно ведь попросить, где он обнаружил на страницах рассказа все эти вещи??

Указанная натяжка связана, по нашему мнению, в первую очередь с тем, что в работе очень мало внимания уделяется поэтике произведений Андреева, а там, где о них все-таки говорится, все обычно сводится к перечислению отдельных частных особенностей и приемов. А ведь если бы Андреев не был мастером слова со своей особенной поэтикой, он вряд ли стал бы тем, чем стал: одной умело выстроенной стратегией самопродвижения можно добиться многого, но все-таки не всего!

По сути дела, анализ поэтики Андреева сводится в работе к следующему пассажи: «Средствами актуализации “неписаного пространства” читателя становятся заглавия андреевских произведений, помогающие реализовать авторский замысел и максимально расширить поле возможных

интерпретаций текста; суггестивный, “гипнотизирующий” нарочитыми повторами стиль; открытые финалы, заставляющие читателя моделировать возможные сценарии развития событий и становиться со-творцами текста. “Открытая”, суггестивная поэтика андреевских текстов и новые принципы их организации (“короткая строка”, “малые абзацы”) позволяли установить новый тип отношений между художником и его аудиторией, создать новую “механику” эстетического восприятия». Маловато для большого художника, каковым Галина Николаевна пытается представить Леонида Андреева! При том что названный набор приемов вполне обнаруживаем и у многих других писателей, ничего особенно «андреевского» здесь нет.

Очевидно, вслед за описанием Андреева как публичной личности необходимо начать описание его как писателя. Понимаю, в задачу госпожи Боевой это не входило, да это совсем другая тема (и даже, осмелюсь сказать, другая наука – историческая поэтика, если хотите), и упрекать диссертанта можно лишь в том, что подобные легковесные «отписки» серьезно портят впечатление и о ее работе, и о ее герое, ставя под сомнение его художественное мастерство.

Теперь несколько слов о стиле изложения работы: написана диссертация в целом очень грамотно и читается необычайно интересно; в этом смысле лишние для развития тема и основного сюжета отступления играют примерно ту же орнаментальную роль, что и архитектурные детали изыски в образцах стиля модерн: они вроде и не нужны, а без них чего-то явно не хватает! Немного портят впечатления повторы фраз и целых пассажей, очевидно, особенно полюбившиеся автору сочинения, однако общего впечатления от него они испортить не могут.

Разумеется, мои замечания и пожелания, которыми я позволил себе обильно украсить поля рецензируемой работы, ничуть не умаляют ее серьезного значения и не бросают тень на ее безусловно серьезные и подлинно новаторский характер, на несомненную научную состоятельность представленного к защите сочинения. Солидно выглядит и автореферат диссертации, и список опубликованных по ее теме работ.

Таким образом, диссертация Галины Николаевны Боевой «Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи» – законченное самостоятельное исследование, основные положения и результаты которого имеют значение для изучения прозаических малых жанров в литературе конца XX – начала XXI вв. Работа имеет серьезную теоретическую и методологическую базу, оформление в целом отвечает предъявленным требованиям. Автореферат соответствует основному содержанию, магистральным идеям и выводам диссертации. Основные результаты исследования были опубликованы соискателем в научных изданиях, в том числе в журналах, рекомендованных ВАК при

Министерстве образования и науки РФ, прошли апробацию на научных конференциях.

Диссертационное исследование полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская «литература».

Официальный оппонент, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения ИФИ Российского государственного гуманитарного университета

Ю.Б. Орлицкий

Юрисконсульт В.В. Орлицкого удостоверяю

Начальник Управления кадров

Н.Н. Назарова

Проректор по научной работе

Юрисконсульт В.В. Орлицкого удостоверяю

О.В. Павленко

Юрисконсульт В.В. Орлицкого удостоверяю

Начальник Управления кадров

Н.Н. Назарова

Москва, Самаркандский б-р, кв-л 137а, корпус 4, кв. 104.

Тел.: 8-495-2506987, 8-495-9734202

Электронная почта: ju_b_orlitski@mail.ru